

Красота спасет мир

О. Троицкая

Феномен Татьяны Туркулец

*...Тебе дано бесстрастной мерой
Измерить все, что видишь ты.
Твой взор — да будет тверд и ясен:
Сотри случайные черты,
И ты увидишь: мир — прекрасен...*

Александр Блок. Возмездие

«Есть авангард от неумения, и есть авангард от сверх-умения», — эта фраза принадлежит одному из преподавателей художественного факультета ВГИКа, человеку безусловно компетентному и знающему. Наблюдение верное, авангард, как и любое иное направление искусства, можно имитировать, и примеров тому немало. Но в любом виде искусства, будь оно художественное, музыкальное или хореографическое, есть «точки отлета», индивидуальности, выпадающие из общей статистики талантливых, одаренных и просто способных людей. Это не выпестованные тщеславной родительской заботой юные дарования, не выпускники творческих вузов, росшие под присмотром и опекой именитых педагогов. Имя им в человеческой речи — *гении*. Судьба их

награждала по-своему. Она лишала гениев семьи, детства, которое мы называем «безоблачным», прижизненного успеха, потомства, готового продолжить начатое ими дело. Загоняла в угол бедностью и болезнью или наделяла богатством и славой, парадоксальным образом оставляя непонятыми и чуждыми всему и всем, в известном смысле изымая их из социума. Сделала глухим Бетховена, пожаловала Пушкина одиночеством и чудовищной неприкаянностью, наделила чахоткой Шопена и физическим уродством Анри Тулуз-Лотрека — в истории немало таких имен. Но им, с прагматической точки зрения в чем-то донельзя обделенным, их странная Фортуна оставила взамен нечто несравнимо большее. То, что руководило и руководит ими, — не присущие обычному индивиду творческие способности плюс классическая выучка. Эти люди — редчайший человеческий генотип. Творчество для них — единственно возможный язык общения с радостным, горестным и совершенно непредсказуемым миром, в который они попали. У них нет иного способа познать его и в конце концов как-то с ним договориться. В этом их и наше счастье.

...Возможно, хитроумной Судьбой все это было подстроено — и воспитание в интернате, где все вместе и на равных, но каждый со своим психологическим одиночеством, и глубочайшая замкнутость характера, и затем жизнь в деревенской глубинке с опекуном и первым учителем, тоже художником. Цель? Кто знает Промысел небес?.. Скорее всего спрятать хрупкое изящество уникальной человеческой души подальше от хаоса современной цивилизации, агрессивной и беззащитной одновременно, неспособной разобраться с тем, что она натворила, что принесла в мир. Иначе как объяснить, что в маленькой деревеньке под Окуловкой, где по удивительному стечению обстоятельств более 100 лет назад родился Юрий Николаевич Рерих, теперь живет и работает девушка 24 лет от роду, и зовут ее Татьяна Туркулец.

Сказать, что недлинный жизненный путь Татьяны не был усеян розами, — не сказать ничего. Но из испытаний, о которых сегодня не стоит, наверное, говорить слишком много, вышла ти-хая красавица с удлинненными к вискам темными глазами, бровями вразлет и трогательным овалом узкого лица, обрамленным прядями вьющихся волос. На открытии выставки она произнесла лишь несколько коротких фраз: «Я не думала, что буду здесь. Но вот я приехала к вам... А вы пришли ко мне. Спасибо». Фразы были слегка запинаящимися, жесты — скованными, потому что ее язык — не слово и жест, а гра-

фика и живопись. Это *ее* способ общения с нами и с миром. Здесь она обретает ту удивительную свободу пластики в создаваемых ею художественных образах, что позволяет причислить творчество Татьяны к классическому авангарду Кандинского, Аристарха Лентулова, Дали и Пикассо. На церемонии открытия выставки Татьяны Туркулец «Паралелли» в Музее имени Н.К. Рериха его генеральный директор, заслуженный деятель искусств РФ Людмила Васильевна отметила факт, который часто упускают искусствоведы: когда европейский авангардизм XX века едва сформировался как жанр и обрел свое место в мировом изобразительном искусстве, он был занят исследованием *формы* материи. Русские же авангардисты, включая Марка Шагала, все равно инстинктивно наделяли материю *душой*, потому что «вочеловечивание сущего» (это было у Блока, в минувшем Серебряном веке: «Все сущее — вочеловечить...») всегда оставалось привилегией русского человека. Планида русской души — быть вечно зажатой с двух сторон (или — распахнутой на обе стороны?), между западным материализмом и влиянием восточной духовной философии, которая всегда больше опиралась на интуицию чуткой души, нежели на жесткую логику разума. Творчество Татьяны Туркулец, по словам Людмилы Васильевны, несет подлинно космическое философское звучание, оно восходит к космизму, потому что форма в ее работах не основной предмет внимания, она только сосуд для широкого духовного осмысления бытия как части Вселенной. И с этим трудно не согласиться.

Татьяна — русская душа. Она достойна этой пушкинской почти цитаты. Потому в ее художественных произведениях так часто встречаются образы храмов с разноцветными луковицами и тонкими крестами. Храмы вырастают из земли, тянутся к небу, гибко склоняются под порывами ветра, как диковинные деревья. Они поистине Живая Обитель. Дух Божий, живущий в стенах святыни, пронизал каждый кусочек неживой материи, от основания храмов до золотых перекрестьев над куполами, и они ожили, заблестали, затрепетали, подобно листве в солнечных лучах. В цикле «Храмы» яркие, несопоставимые в классическом представлении тона соседствуют естественно и радостно, как лоскутки на одеяле, шитом деревенской мастерицей. И очень много любимого на Руси красного цвета, символизирующего счастье, жизнь и неотделимую от них Красоту: «красно солнышко», «красна девица», «не красна изба углами...»

Свои работы Татьяна Туркулец объединяет в циклы: «Лики», «Цирк», «Десерт», «За

Т. Туркулец, *Большой скандал*

закрытой дверью» и другие. В каждом представлено от нескольких до 10—15 работ. При внимательном рассмотрении возникает такое чувство, что художница вертит вещи и явления перед глазами и с позиций своего нестандартного взгляда находит такие ракурсы, планы и точки преломления света, каких нам, со стереотипным восприятием привычных образов, с детства загнанным в рамки «так положено», самостоятельно не увидеть. Во всех работах художницы цвет и форма композиционно следуют друг другу, многомерное пространство сложено из отдельных пересекающихся плоскостей, в каждой отражена своя информация о предмете, а в сумме складывается

полное представление о нем, многозначное, необычное, но странным образом достоверное.

Среди циклов, созданных Татьяной, — галерея людей-видений «Лики». В каждой работе этого цикла лаконично и точно отображена человеческая индивидуальность прототипа. Портрет ли это конкретной личности или кого-то, кто возник в воображении художницы, неизвестно, да и неважно. Объяснять, почему фигура той, чья душа пропитана музыкой, явилась автору в облике скрипки, отчего темен фон следующего изображения и печальное око на нем пересечено струйкой дыма сигареты, изящно зажатой меж тонких пальцев, не надо. Художница действует

как известный скульптор Ренессанса: убирает из объекта своего внимания лишнюю материю, оставляя лишь ту необходимую толику, которая не мешает смотреть в самую сердцевину человеческой индивидуальности. Этот прием, найденный ею интуитивно, избавляет нас от ненужной «литературщины» в определении того, что находится перед глазами. Прямолинейное логическое описание затруднено, зато на первый план выходит чувство с его колоссальным ассоциативно-символическим рядом. Эмоциональный разряд, получаемый зрителем, побуждает его к осмыслению увиденного. Так автор освобождает нас от наезженной колеи стандартных оценок, предлагает другой язык, и начинается самое уди-

вительное — *внесловесный* диалог художника и зрителя.

Такие понятия как «Взволнованность», «Ожидание», «Большой скандал», «Аромат Луны», — попробуйте в двух словах определить, что есть каждое из них? Татьяна Туркулец делает это с помощью цвета и безупречной пространственно — плоскостной композиции с тем же точнейшим знаковым подбором. Все это вкупе опять рождает чувства, не объяснимые словами, но знакомые и волнующие своей изначальностью.

Создаваемое Татьяной можно расценить как вышеописанный феномен гениальности: находясь по образу жизни и психологическому складу в достаточно глубокой изоляции от внешнего

мира, молодая художница обладает уникальным человеческим и творческим взглядом на вещи. Он намного шире и мощнее, чем взгляд искусственного в познании законов искусства художника, живущего «в миру». Даже если он убежденный авангардист. Иногда в сочетании тоновых переходов, плоскостей и образов на картинах Тани Туркулец поначалу чудится хаос, но если взглянуть пристально, то все приходит в движение и возникает уникальная авторская логика. Слишком привыкшие к Декарту, мы забываем о Мебиусе и Лобачевском, а ведь на самом деле все зависит от количества координат. «Штрихи», «Трехцветие», «Венериана», «Купола на красном» — многообразное сочетание живописных формул. Удивителен ее «Арлекин». Несмотря на яркость палитры, витиеватость и многослойность форм, где-то внутри этих изломанных многогранных структур, внутри изрезанного треугольниками костюма вечного весельчака с очередной загадкой на устах вдруг слышится спрятанное за усмешкой: «Смеюсь, смешу, чтоб не рыдать».

Цикл «Кони» ошеломляет. Он ударяет внезапной реалистичностью изображения, выбором рисовальной техники — черно-белая и цветная графика, абсолютно точное анатомическое исполнение и выразительность линий, в которых заключена неожиданно мощная экспрессия. После радостных и не очень, лиричных и ироничных, ускользающих от прямого определения работ эти видятся как протест, порыв к свободе. Опытные конники знают: как бы ни была выезжена лошадь, она только мирится со всадником, потому что сама этого хочет и вступает с человеком в собственные отношения. Конь — это личность, независимая, часто коварная и предельно свободолюбивая. Это — носитель индивидуальности, ярче которой нет ни у одного другого животного, прирученного человеком. Кони Татьяны Туркулец — иллюстрация к этим замечаниям о конском нраве. Кони плачущие и смеющиеся, кони, рвущие цепи, вырывающие узду из человеческих рук и смиренные. Кони зовущие и нежные, влюбленные, скорбящие и потрясенные. В конских головах, изображенных упругими, четкими линиями, в глазах и пластике — вся гамма совершенно человеческих чувств! И тут же — единорог, фантастический и одновременно такой же органичный и земной,

Т. Туркулец. Песня детства. Утро ▶

◀ Т. Туркулец. Из цикла «Кони»

как его земные собратья. Закрадывается мысль: а может, впрямь существуют они, единороги, только мы их не видим, потому что нас не научили их видеть? А может быть, так же не видим и многого другого?

С традиционной, практической позиции это кажется невероятным, но такова убедительная сила творчества Татьяны Туркулец — все, что она пишет, от символических стилизаций до откровенных абстракций, доведенных до свойственного авангардизму алогизма, балансирующего на грани абсурда, — стопроцентно убедительно! Изображаемое не противоречит жизни, а подчеркивает ее известные качества, но под совершенно иным углом зрения! Даже фантастическое у Татьяны Туркулец слишком убедительно, чтобы быть вымыслом, сновидческой игрой воображения. Феномен этого автора, да и всех, кого можно отнести к генотипу гениев, людей с талантом, записанным в их существе на уровне ДНК, состоит отчасти и в том, что все, что они делают, они не воображают. Кто-то сказал: «Настоящий художник рисует только то, что видит». Они — *видят*. Так Татьяна Туркулец *увидела* дышащую и растущую «Живую обитель». И текущий, постоянно меняющий цвет и форму населяющих его фигур «Пестрый мир». И цвет и форму «Всплеска» (водной глади? звука? иных энергий?), и царственную «Клеопатру». Она рисует эмоции и явления, и ее картины, большие и малые, вмещают в себя жизнь во всех ее видимых и ощущаемых проявлениях. Каждая из работ — живой объект со своей энергетикой. Это — признак творчества с большой буквы.

Она очень молода, на вид совсем еще девочка. Те, кто ее знает, говорят, что это удивительно милый, нежный, скромный и заботливый человек. По ее картинам можно сделать вывод, что она любознательна, предельно творчески честна и бескомпромиссна. Ей свойственны тонкая ирония и очень сильные чувства. У нее не было за плечами художественного вуза с его постановкой карандашной техники, изучением планов, ракурсов и композиций, но искусствоведы только руками разводят — откуда это профессиональное композиционное чутье? Это безошибочное ощущение колористики? Этому изумляется даже ее учитель-опекун, Олег Александрович Андреев, который оберегал, воспитывал и растил этот талант и сумел не упустить ничего из его дивной ин-

Т. Туркулец. Лики

дивидуальности? Может быть, это нечто свыше, существующее априори?

Попытка дать ответ, возможно, не объяснит всего, но кое-что уже ясно. Можно не иметь представления о синтаксисе и морфологии, но говорить на языке правильно, потому что рядом ты слышишь правильную речь. Речь, которая звучит для Татьяны Туркулец, — это речь Вселенной, ее философия. Это дано услышать, понять, почувствовать не каждому, но художница посылно пытается перевести то, что ей открыто, на более близкий нам язык. Так Космос через Красоту, создаваемую единицами из миллионов, объединяет разрозненный хаос в стройную систему.

Не забывай о Лукоморье...

Матрешки и декоративные панно

Елены Репиной

В одном из залов Центра-Музея Рерихов разместилась сказка. Главные ее герои — древнеславянские боги и богини, скоморохи и простой люд, чем-то похожий на славных берендеев, живших до поры до времени мирно и по чину. В витринах прижились матрешки, полу мужского и женского, в самых разных одежках, летних и зимних. Все мал мала меньше, а меньше дальше некуда. Летних зовут по цветочным одежаниям — Ландыши, Фиалки, Васильки, Иван-да-Марья. Зимних так и кличут — Первый Снег. В этом зале пахнет деревом, красками и Русью Первозданной.

Автора, создавшего этот маленький народец и художественные декоративные панно, зовут Елена Репина. Она родилась в городе Малоярославце Калужской области. Очевидно, профессия отца — известного художника-инкрустатора и реставратора старинной мебели — предопределила профессиональный выбор дочери: после школы она поступила на отделение живописи Московского художественно-промышленного училища имени Калинина, где обучалась всем основным русским живописным ремеслам — лубок, хохлома, жостово, холуйская мастерская, федоскинская и палехская миниатюра, иконопись. После работала в объединении «Мастера и художники России», занималась витражным делом. Теперь разработала авторскую технику росписи и выжига по дереву. Основа ее декоративных панно — древняя сергиево-посадская роспись. В ее растительных и животных орнаментах нет прямого следования билибинским рисовальным мотивам, но влияние великого русского художника-сказочника, которого, похоже, начали забывать нынешние поколения, его характерная манера орнаментальной окантовки явно унаследованы молодой художницей.

Любое пристрастие к традициям народного искусства сегодня более чем радостно и похвально. Мастера, владеющие секретами старых ремесел, превращают их в часть культуры сегодняшнего дня. Елена Репина — одна из них. Ее панно не просто оформительские, декоративные поделки. Работы Елены соединяют в себе бережно стилизованные художественные принципы и приемы старинного ремесла и авторские нововведения. Почти все они, да пожалуй, что все, содержат сюжетную основу. Их тематика — Любовь, Природа, славянская языческая Русь.

«Святым огнем Любви согреты, оживлены, оживлены...» Любовь, святость семейственности, супружеская верность издревле ценились на Русской земле. Потому цветок, который чаще всего встречается на работах Елены Репиной, — иван-да-марья. Акриловые краски самых пастельных тонов не противоречат фактуре и цвету древесины. Художница оставляет «воздух», используя в цветовой гамме естественный тон незакрашенного дерева, оттеняющего зеленоватый верхний свет, который приобретает неожиданный оттенок оттого, что пронизывает листву березок, под которыми стоит нежная пара. И название картинки, и выражение их глаз, обращенных к зрителю, содержат призыв беречь лучшие человеческие чувства, сохраняя их и приумножая.

Строками старинной песни «Заря моя вечерняя, любовь неугасимая...» подписано еще одно «семейное» панно. Отец, молодые супруги, младшие сыновья, ладья на озере, цветущая липа. Июль. Сенокос. Маленькие детали жизни наших предков, полной традиций, организующих жизнь и быт в несуетном, неспешном порядке.

Елену привлекает тематика Русского Севера, куда не добрели татаро-монголы. Деревня Чухчерьма летом — это сутками не заходящее розовое солнце, стоящее над горизонтом. Розовое

небо отразилось в прозрачайших водах озера, все видимое застыло в нереально теплых, необычных тонах, но даже если этот пейзаж сказочен, нельзя не поверить в реальность этой розовой тишины, где притих даже комариный звон...

Тема цветка иван-да-марьи повторяется в работах Елены Репиной множество раз — и на панно, и на матрешках, и на холуях. Ему посвящен диптих: под кленом с одной стороны и под березкой с другой стоят Ванечка да Манечка. Лица у них печальные, и разделены они по

Е. Репина. Заря моя вечерняя, любовь неугасимая...

разным доскам. Может, родные жениться не велят?..

В работе «Лес» — явное влияние художественных традиций Ивана Билибина. Они переработаны в авторской индивидуальной манере, но тем не менее билибинское письмо угадывается в характерной, приглушенной гамме зеленого и коричневого тонов с пятнами ярких цветов и грибов. Изображения сказочных персонажей максимально приближены к реалистичным, очеловеченным существам бытовой русской сказки. Старый дуб, усеянный желудями, куст лещины, лисичка, прикорнувшая у его основания. В волшебном лесу дышит жизнь: пролетела птица, по той же дуге вслед ей перемахнула на ветку белка, ветви свесились вниз к свернувшейся калачиком совсем не хитрой и не хищной лисичке. И тихо — не разбудить бы рыжую подружку! — выглядывают из-за веток медведь с медведицей. Композиция свернута в рондо, свершается круговое движение лесного бытия, даже свернувшаяся колечком змейка не кажется ни опасной, ни ядовитой. Кругом — целые заросли иван-да-марьи, а сверху за всем присматривает филин, охраняющий свою мудростью весь лес.

В традициях русского народного письма, в частности сергиево-посадской росписи, — композиции из картинок быта, расположенных в одной плоскости. Среди панно, полных духа старины русского древлянского посада, неожиданная городская картинка, «Театр». В этой работе Репина, остро чувствующая дух времени, превратила простую сюжетную цепь в нечто узнаваемо-гоголевское. Чуть-чуть карикатурна,

но не обидна кукольная провинциальность начала XIX века, где все дамы в партере не просто приятные, а непременно приятные во всех отношениях, улыбаются или проливают слезы над незамысловатым сценическим действием. Рядом — живой оркестр, а поодаль дожидается антракта буфет с рюмочками и лафитничками — предмет вождения скучающих на театре супругов. И краски на картине уже иные — яркие, почти плакатные, и фон иной — дерево темное, не светится золотистой основой.

Верная древнеславянским мотивам, художница выводит на большом триптихе трех славянских богинь: Живу — богиню жизни (природы), Купаву — богиню любви и творчества, Макошь — богиню земли.

Несмотря на чистый свет Лукоморья, истекающий с панно Елены Репиной, несмотря на спокойствие поз и сдержанное жизнелюбие персонажей, позволяющих себе грустить не более чем на мгновение, выставка сообщает сердцу зрителя и радость общения с современной народной культурой, и ностальгические чувства. По чему ностальгия? Да Бог весть... Может, по ушедшему детству. А может, по тому, что наши дети играют с другими игрушками — жуткими, как Франкенштейн, роботами, бесформенными и бесчувственными теплузиками, неодушевленными мини-манекенами Барби, Синди и прочими производными чьего-то равнодушного ума — и ничего не знают ни о Живе, ни о Леле, ни о Яриле, ни о маленькой не обидной змейке, свернувшейся у подножия большого и сильного дерева, где из-за веток выглядывает добрый и теплый медведь-семьянин...

Е. Репина. Матрешки

Большое сердце малых народов

На открытии выставки «Монгумэ купэн — серебряная нить» в зале Святослава Рериха Галина Доржу, певица из Тувы, поразила собравшихся не только экзотикой знаменитого горлового тувинского пения. Она исполняла песню на родном языке, но впечатление от звучания этого голоса создавалось необычное: сила звука, его протяженность превращали песню в зов и, казалось, не были рассчитаны на долгое пребывание в стенах, ее голос летел далеко за их пределы, будто выстилая перед собой ширь степной равнины, раскинувшейся среди тувинских предгорий, и стихал там, над Москвой-рекой, за Кропоткинской набережной, среди каменных улочек Замоскворечья.

Выставка, посвященная творчеству народов Севера и малочисленных народов, открытая в конце минувшего года, заняла весьма малое пространство в одном из выставочных помещений Музея имени Н.К. Рериха. Наверное, и в этом тоже была своя невольная символика — совсем небольшую графу в российской демографии занимают и они — чукчи, ненцы, тувинцы, якуты, ханты-манси. Но графа эта — драгоценна, как драгоценно их культурно-художественное наследие, хранить которое малым народностям становится все труднее и труднее перед напором западноевропейской цивилизации. Под видом повышения материально-технического качества жизни она нивелирует одни народные традиции, сводя аутентичность к стилизации, и способна напрочь уничтожить другие. Только благодаря энтузиастам, умельцам, тщательно берегущим духовно-эстетическое наследие своего народа, еще сохранилось то национальное сокровище, невеликую часть которого привезла нам Евдокия Александровна Гаер — президент Лиги малочисленных народов и этнических групп. Одежда, предметы обихода, украшения, другие изделия художественного творчества — все это ее личное имущество, в основном унаследованное от пращуров или подаренное друзьями и родственниками. Она бережет эти подарки, не носит дареные шелковые халаты,

у нее другая цель — показать их людям: пусть все увидят эти яркие, сшитые и расшитые вручную — умелицам известно около сорока различных швов! — произведения искусства, сделанные с любовью и во имя любви.

— Вот традиционный короб невесты, — показывает Евдокия Александровна. — Ему уже два века, а черная краска его узора не только не истерлась, но и не потускнела. Вы ее не ототрете, даже если очень постараетесь. Краску готовили из сажи, разводя с черной икрой, потом ею наносили узор. Желатин, содержащийся в икре, впитывался в кору, из которой был сделан короб, засыхал, становился несмываемым. Вот это — короб моей прабабушки.

А дети Севера, живущие на берегу моря, играли мячами, сделанными из рыбьей кожи. Кроме того, на ней рисовали, из нее делали предметы быта. «Как это возможно?» — скажете вы. Оказывается, возможно, и после выделки, где есть свои секреты, мягкая рыбья кожа приобретает такую прочность и упругость, что разорвать ее не под силу даже мужчине.

Долгие черно-белые зимы и короткое лето, когда тундра и сопки ненадолго взрываются цветением и жизнью, насыщают разноцветьем шитье тувинских, нанайских, ненецких, якутских умелиц. У них уникальное чувство цвета. Они помещают рядом алую, зеленую и желтую нить, и это соседство не кажется режущим глаз, напротив, оно естественно, как природное сочетание пурпурных лепестков и зелени листьев розы, брошенной на золотистом шелке. Узорчатые переливы не имеют границ, стежки наложены так, что цветовой переход незаметен на первый взгляд, если вы, конечно, не поставите своей целью с точностью присмотреться, в каком месте вышивальщица сменила в иголке нить. Технике ручного шитья позавидует иная швейная машина, но перепутать невозможно: это творение рук человеческих. В узоре, бегущем по бордюру халата, украшающем головные уборы тувинского, ненецкого национальных костюмов, живет нечто неуловимое, как дыхание жизни.

Традиционная национальная одежда коренных народов Севера

Основная тема узоров — стилизованные драконы, животные, священный ворон, растительный орнамент. Эту одежду шили веками и шьют сейчас не только как украшение и защиту от непогоды. Ее насыщают добрыми чувствами, тогда она превращается в оберег от злых духов, привлекая добрые силы удачи. Потому на свадебном халате вышито родовое древо — основа жизни, память и поддержка предков, а рядом расселись птицы — будущие дети...

— Вы знаете, откуда взялись лоскутные одежды? — спрашивает Е.А. Гаер. — От нищеты. Но даже в этом случае получалось произведение народного творчества.

И это так. Надо же — их собирали из кусочков ткани (да и сейчас так шьют) от скудости быта, а получалось нечто радостное, уютное, домашнее. Кстати, наверное, нет в мире ни одной национальной традиции, где лоскутная техника не существовала бы в том или ином виде. Только называется это по-разному — килт, пэчворк, лоскутки. И то практическое, что создавалось в быту от убогости материальной жизни, вдохновленное стремлением к Красоте, — несмотря ни на какие трудности! — превращалось в предмет радостного любования.

Теперь

эту радость испытываем мы, глядя на сверкающие всеми цветами радуги чудные драконьи узоры, вышедшие из-под иголки былых и современных мастериц.

Соединение прагматики и эстетики вообще свойственно народным промыслам. Снова возвращаясь к посуде и коробам, Евдокия Александровна обратила внимание посетителей на то, что края изделий прошиты толстыми шнурами для крепости, но сделано это так аккуратно, что чередование светлых и темных тонов сразу превратилось в деталь украшения. Любая бытовая вещь в экспозиции сделана так, что ее приятно взять в руки. (Почему же мы сегодня в подавляющем большинстве думаем только о практической целесообразности, совершенно отбросив эстетическую сторону? Потому что все одинаковое и стандартное привыкли покупать в магазине? Вопрос банальный, но больной. Ведь именно из этого — рукодельного отношения к обиходным вещам — рождается то, что сможет впоследствии стать предметом народного художественно-прикладного творчества. Что взрослое поколение нашего времени оставит детям, кроме свалки устаревших технических игрушек, на память о своей культуре?)

А ненецкие и ханты-мансийские мастера и мастерицы плетут из бисера такие украшения, которые надеть к праздничному костюму не постесняется иная европейская модница. Традиция и художественное чутье так переплетены, что невозможно описать соразмерность тонов, узора и формы всего украшения — коле, серег, подвесок, — как нельзя словами дать полное определение понятию Гармонии. Здесь всегда останется что-то на долю интуиции, которая установит конечный, волнующий недосказанностью жизни результат.

Несутся по шлифованной костяной поверхности олени — в резьбе чукотских мастеров далекого Уэлена сохрани-

няется динамика движения, выразительность каждой позы. Узоры тувинской резьбы, танец с бубнами, произведения из Якутии — все, что было представлено на выставке, наше, общечеловеческое достояние. Мастера занимаются сегодня своим делом не только «из любви к искусству» — им все сложнее выжить, как и всем малочисленным народам. Судьба их принимает трагический оборот. Известно, что уровень суицида в человечестве растет, особенно среди молодежи, но у народов Севера он выше, чем у «больших братьев». Резко вырванные из привычного хода жизни, лишённые естественного для них способа бытия — охоты, рыболовства, кочевий, они теряют внутренний стержень. Вырубается тайга, нефтяные и газовые трубопроводы, проложенные по поверхности тундры, преграждают пути естественным оленьим кочевьям и звериным тропам. Траки тяжелой техники повреждают тонкий поверхностный слой почвы, и начинается протаивание мерзлоты, образующее термокарстовые озера почти идеально круглой формы. С вертолета эти голубые блюдца выглядят очень красиво, но за чудным пейзажем — драма народов Севера. Не все тундровики и приморские рыболовы способны отречься от образа жизни предков и уехать в город или большой поселок. Им все сложнее в иных условиях сохранять верования, которые многие века составляли их уникальную духовную опору, а она сообщала неповторимость создаваемым ими предметам, узорам, всей культуре народов. Нет традиционного уклада как фундамента, на котором возникает предмет творчества, и из творчества уплывает его первопричина. Е.А. Гаер, ее соратники совершают почти невозможное, не давая погибнуть духу этой изначальности. В малой коллекции Евдокии Гаер — глубокая тишина зимней тундры, крики птиц над морем, шаманское пение под глухие удары бубна. Здесь топот конских копыт по тувинской степи, рассвет в саянских предгорьях и многое другое, что мы услышали в звенящем свободой голосе Галины Доржу.

Так стоит ли тем, кто воспитан на произведениях Ренессанса, импрессионистов или русских передвижников, кто небрежно поминает Шагала и Модильяни, смотреть свысока на культуру, создавшую это полудетское, невинно-наивное, но вызревшее в вековых тяготах жизни среди суровой природы национальное искусство? Мы называем эти народы малочисленными, причисляем к ним этнические группы, но каждый из них — как отличная от других по цвету и форме бисеринка в узоре оберега. Уберите ее — и оберег лишится части своей доброй силы. Чудо с красивым названием «Монгумэ купэн» предлагает задуматься не только о будущем народов, чье традиционное искусство было представлено в экспозиции. Оно призывает оглянуться на собственное прошлое и помыслить о будущем национальной культуры каждого из народов, живущих под единым Солнцем.

◀ Президент Лиги малочисленных народов и этнических групп Е.А. Гаер представляет выставку

Женские украшения из бисера